

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

МНОГО-ГРАННАЯ ВИКТОРИЯ

стр.8-9

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№51 (289)
ДЕКАБРЬ 2025

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ВДОВА

стр.4-5

стр.6-7

СМЕРТЬ НА ВЗЛЕТЕ

Геннадий Норд

«Верните меня в Москву. Вместе с этим письмом я посыпаю также письма Акулову и Агранову. Быть может, вы трое встретитесь друг с другом в Лубянских катакомбах и поговорите обо мне». Это писал Приблудный особоуполномоченному при коллегии ОГПУ СССР Владимиру Дмитриевичу Фельдману из Астрахани, куда его сослали в 1931 году.

В ближний круг Сергея Есенина Иван Приблудный вошел в 1923 году и стал, чуть ли не членом его семьи, его «адъютантом» и в силу своего спортивного «имиджа» его «телохранителем».

Описания современников дают возможность представить себе Ивана Приблудного.

Молодой талантливый поэт, силач, красивый широкоплечий парень, с простым открытым лицом, освещенным «безоблачной мальчишеской улыбкой и горячими карими глазами», и голосом, с «мягкой хрипотцой».

Именно Иван Приблудный был прототипом Булгаковского Ивана Бездомного.

Сам Есенин отзывался о Приблудном так:

- Замечательная стерва, и талантливый поэт, очень хороший.

Он подарил Приблудному свое фото с надписью:

«Милому Приблудному с нежностью великой и непобедимой. С. Есенин. Апрель 1924».

Эту фотографию Есенина, снятую в Нью-Йорке, со скрещенными на груди руками, Иван бережно хранил до самого ареста.

Наталья Милонова - жена Приблудного охарактеризовала отношения двух поэтов так:

«Стремился Приблудный быть Есенину чем-то вроде младшего брата. А было несколько иначе - стал чем-то вроде «телохранителя». Близость к бытовой стороне жизни Есенина приносила Ивану только вред, большой вред. Сопровождая Есенина по всем злочестным местам, Ваня, в таком юном возрасте, приучался пить, вел неправильный образ жизни, проводя ночи в пьяных компаниях, чтобы потом отвести Есенина домой, иногда поднимая его на седьмой этаж квартиры Бениславской на руках. В возникавших иногда драках Иван никогда не был зачинщиком. Он драчуном не был, я не знаю ни одного случая, чтобы он с кем-нибудь подрался по собственному почину. А выпивший Есенин к дракам был склонен, но отражать нападения «врагов» был слабоват, и тут в роли защитника выступал Иван, за что разделялся с Есениным славу скандалиста.

Все окружающие Ваню люди были его друзьями, но ни одного настоящего друга у него не было. Не был таким другом ему и Есенин».

Тем не менее, отношения Есенина и Приблудного, судя по эпизоду о котором рассказал Мариенгоф, были, мягко говоря, странными:

«Как-то, не дочитав стихотворения, он схватил со стола тяжелую пивную кружку и опустил ее на голову Ивана Приблудного - своего верного Лепорелло. Повод был настолько мал, что даже не остался в памяти. Обливающегося кровью, с расщепленной головой Приблудного увезли в больницу. У кого-то вырвалось:

- А вдруг умрет?

Не поморщив носа, Есенин сказал, помнится, что-то вроде того:

слову. Это низкий и продажный человек. Получить же я хочу с него ради принципа - чтобы не дать сволочи облапошить себя».

Появление Приблудного в Москве описала его жена:

«Однажды на пороге нашей комнаты возникло ослепительное видение: Ваня Приблудный в с иголочки новом светло-сером костюме, первом костюме не с чужого плеча, и такой же кепке, в желтых ботинках, увы, увековеченных в письме Есенина, и с огромным пакетом всяких лакомств. Получив где-то гонорар, он торопился истратить деньги. К месту замечу, это была характерная черта Иванова характера - деньги жгли ему карман».

А еще Приблудный был сексотом, но сексотом очень странным.

17 мая 1931 года в ходе допроса, поводом которого стало ненадлежащее исполнения обязанностей осведомителя, он показывал:

«Я формально принял на себя обязательство быть сотрудником ОГПУ еще несколько лет назад, но фактически не работал и не хотел работать, потому что требования, которые я должен был вы-

или поступок такого характера кого-либо из моих друзей или знакомых послужил бы причиной ареста или даже приговора над этим лицом. Между тем, как таковую ответственность я не могу взять на себя ни за какие блага и никакие соображения о государственно-политической обстановке неофициальной работы, в ОГПУ не могут переубедить меня и заставить работать в ОГПУ».

В «Бутырке» он просидел 3 месяца, а затем был выслан в Астрахань за разглашение своей вербовки. Но мера наказания Приблудному за его выкруты было шире одной лишь ссылки.

Жена Ивана вспоминает:

«В этом, 1931 году, в издательстве «Федерация» вышла его вторая книга стихов «С добрым утром». На нее была опубликована злободневная рецензия (авторы В. Волков и И. Любович) с карикатурой Кукариксов под названием «Дайте Приблудному удобную квартиру» («Смена», №17, 1931 г.). Иван был определен авторами как «мелкий буржуа», а Кукариксы изобразили его подающим руку кулаку и попу».

Наркомат внутренних дел, благосклонность которого давала возможность Приблудному издаваться и, благодаря этому, зарабатывать и вести тот образ жизни, которым он жил (театры, музеи, выставки, литературные диспуты, рестораны, попойки), демонстрировал ему другую жизнь - без покровительства НКВД.

«Из Астрахани пошли горькие письма. Нет работы, и его не печатают. Однажды я получила повестку с приглашением явиться в НКВД на Лубянку. Разговор, конечно, шел об Иване, вернее, о его письмах: «что он пишет?». Я рассказала, что его не берут на работу, что ему нечего жить, а я не в состоянии содержать его. Меня заверили, что примут меры к устройству его на работу, а если будут письма старого содержания, чтобы я позвонила по телефону - и дал номер. Но, действительно, скоро пришло письмо, что Ивана приняли на работу в редакцию областной газеты».

Вот еще:

«К этому времени я уже работала (по приглашению старого студенческого знакомого, Бориса Фридмана) в редакции газеты «Комсомольская Правда по радио». Много лет спустя я узнала, что Борис Фридман тоже имел касательство к учреждению, в котором я побывала. И его приглашение работать под его руководством было частью той заботы, которую некое учреждение проявило по отношению к Ивану и его семье».

Возникает вопрос, а зачем же Приблудный соглашался на сотрудничество с ОГПУ? Конкретных обстоятельств вербовки Приблудного чекистами не сохранилось.

Однако известно, что Приблудный любил тратить деньги. Его жена в своих воспоминаниях о Приблудном применила термин «деньги жгли ему карманы».

«Иван занимал направо и налево. А, когда получал деньги, покупал роскошные гостинцы, ненужные мелочи и... мы опять сидели на бобах. Мог накупить корзину гостинцев и привезти ее к нам домой, мог привезти воз игрушек моим маленьким братьям, но на ежедневное пропитание у него денег все равно никогда не оставалось».

В конце лета 1929 года Иван женился.

К этому событию, как рассказывает его жена, Иван поднакопил денег, и молодожены уехали в Крым, в Феодосию, где «прожили счастливый месяц, может быть, полтора».

А еще жена Приблудного рассказала о склонности поэта к аферам. Когда, во время медового месяца, у молодоженов таки закончились деньги, Приблудный направил редактору «Нового мира» Плонскому просьбу об авансе, дорисовав жалостливую картину безысходности придуманным восьмимесячным сыном.

Вот двустишие самого Приблудного:

Предки лгали, деды врали,
Яль в наследьи виноват?

Все это навело меня на вопрос, а оплачивалась ли, и, если да, то как, деятельность осведомителя?

ПРИБЛУДНЫЙ

Иван Приблудный

- Меньше будет одной собакой!»

Это, в какой-то степени, объясняет другую характеристику, которую Есенин дал Приблудному в письме к Бениславской:

«Вчера Приблудный уехал в Москву. Дело в том, что он довольно-таки стал мне в колееку, пока жил здесь. Но хамству его не было предела. Он увез мои башмаки. Не простился, потому что получил деньги. При деньгах я узнал, что это за дрянной человек. Всё это мне ужасно горько. Горько еще потому, что он треплет мое имя. Здесь он всем говорил, что я его выписал. Собирал у всех деньги на мою бедность и сшил себе костюм. Ха-ха-ха - с деньгами он устраиваться умеет. Поэтому я сказал ему, что он заплатил мне за башмаки. Это было ведь почти лучшее, что я имел из обуви. Он удрал. Удрал подло и низко. Повидайте его и получите с него три червонца. Сам я больше с ним не знаком и не здороваюсь. Не верьте ни одному его

полнять в качестве такового сотрудника нарушали планы моей личной жизни и литературного творчества».

Кроме этого Приблудный подтвердил следователю, что неоднократно «нарушал конспирацию». Иван подтвердил только те факты, о которых сотрудник ОГПУ знал по доносам других сексотов из околовалютной тусовки, более ответственно подходивших к исполнению взятых на себя обязательств.

Тремя днями позже, 20 июля, Иван Приблудный отказался от работы на ОГПУ:

«Я отказывался и уклонялся от работы в качестве негласного работника ОГПУ, потому что, по моему мнению, ОГПУ преувеличивает политическое значение отдельных поступков или высказываний тех или иных лиц, если эти поступки или высказывания политически нелояльны. Если бы я работал, то я бы чувствовал себя ответственным за то, что какое-либо сообщенное мною в ОГПУ заявление

Сергей Есенин

Вот, что удалось выяснить.

По данным 1935 года, которыми опирается Ежов в своем письме на имя Сталина, в СССР существовало три категории осведомителей.

Низшая - агентура общего осведомления. Ежов доложил Сталину, что общее количество осведомителей этой категории в целом по Союзу составляет, «при мерно, 500 тысяч человек».

«Осведомители никакого заработка от Наркомвнудела не имеют, работают бесплатно».

Вторая категория: агентура специального осведомления.

«...они вербуются в определенных слоях населения (для освещения духовенства - главным образом среди духовников, для освещения интеллигентии - в среде писателей, художников, инженеров и т. п.). По типу спецосведомители - это нечто среднее между осведомителем вообще и настоящим агентом ЧК, ведущим активную разработку того или иного контрреволюционного образования. Спецосведомители работают тоже в подавляющем большинстве своем бесплатно, за редчайшим исключением».

Высшая - основная агентура ЧК.

«Это так называемые агенты. Эта сеть агентуры оплачивается. Помимо оплаты за работу они получают и специальные суммы необходимые по ходу разработок (организация пьянки и т. п.). Сеть этой активной агентуры, работающей по определенным заданиям значительно меньшая, однако, и она по отдельным областям насчитывает иногда сотни людей».

Часть сталинских фанатов убаюкивают себя, перекладывая ответственность за «большой террор» на Ягоду и Ежова.

Два последних пункта этой записи

опровергают этот тезис. Ежов пишет:

«Мне сообщил тов. Ягода о том, что он согласовал с Вами вопрос о моем выступлении на совещании уполномоченных НКВД с критикой недостатков работы ЧК на примере Ленинграда. Без Ваших прямых указаний я выступить не могу».

По всем этим вопросам я прошу принять меня лично. Я зайду немножко времени. Если Вы не сможете меня в ближайшее время принять и будете считать необходимым мое выступление на совещании чекистов, прошу дать указание, могу ли я выступить в духе той записи, которую я Вам направил».

Злой усатый гений, руководствовался, видимо, принципом: «хочешь сделать хорошо - сделай сам» и рулил всеми мало-мальски важными вопросами государственного строительства только сам.

Судя по всему, если причиной согласия Приблудного на вербовку было не материальное вознаграждение, то, вероятнее всего - обещанные преференции в плане патронажа его творческой деятельности.

А осведомителем Приблудный был перспективным.

Это его стихи, которые можно расценивать, как эпиграф к следующему фрагменту статьи:

У меня же, как ни странно,
Нет ни улицы, ни дома,
Где бы жил я постоянно.
Шатко по миру скитаюсь,
Не прописанный, кочую,
У друзей млекопитаюсь,
У приятелей ночую.

«...Я живу на свете, где попало». Действительно, он жил, где попало.

Рассказывает его жена:

«Невозможно перечислить всех, у кого он жил долго или коротко. Был у него приятель с институтских времен, Борис Гроссман. Жил Борис на Никитском бульваре в крохотной комнатке при кухне. Когда Ивану было нужно, он располагался там совершенно свободно. Второй такой же институтский приятель, Миша Нирод, женатый, жил где-то в Таганке. Там Ваню тоже принимали. Были две сестры Хавины (тоже институтские друзья) и там Ивану приходилось ночевать, так же, как и у студента Лозовского. Ночевал он нередко и у нас. А потом ведь было много женщин, которые его охотно принимали. Посещал он, конечно, и Катю Есенину, вышедшую замуж за Наседкина, Иванова однокурсника; и там его не выгоняли. Жил у художника Осьмакова.

Куда идет, зачем живет - не знает и не
ведает.
Не от зарниц лазоревых до розовых
зарниц
Поет и песни слушает, трудится и обе-
дняет,
Чи никогда следить ему за модами сто-
яни.

Поэт идеализирует эту отставность, неподвижность, противопоставляя заброшенный городок с «мостами деревянными, высокими, веселыми, каким подобных нет» суровой столице, где поезда «ползают, путая к звени», идею смыкаясь, таким образом, с корифеями кулацкой поэзии - Клюевым, Клычковым, Орловским.

Если во всему уже сказанному приводят другие «идеи», характеризующие «С добром утром» Приблуды - то - уход от актуальных проблем современности в личные

Статья в журнале «Смена», №17, 1931

Однажды Ивану пришлось некоторое время пожить у Саши Корчагина, бывшего секретаря парткома нашего института, женатого на красавице Олечке Ляшко, дочери писателя Николая Ляшко.

Он не пропускал ни литературных диспутов, ни выступлений писателей и поэтов в Союзе поэтов, в Политехническом музее, или, где бы то ни было. Даже если он просто проводил вечер в ресторанах Дома Печати и Дома Герцена, то тоже не зря. Шутливо ли, серьезно ли, но там всегда шли разговоры о литературе и искусстве. А если он проводил время у приятелей в компании, то это были все

те же литературные друзья и вечер проходил в обсуждении его, или кого-либо другого, стихов и рассказов, в содержательных спорах».

Из Астрахани Приблудный направил письмо на имя особоуполномоченного при коллегии ОГПУ СССР Владимира Фельдмана:

«Т. Фельдман! Я никуда не подавал жалобных прошений, не обращался ни в прокуратуру (Вашу же), ни в Красный Крест. Раз приговор надо мной - дело престижа и авторитета ОГПУ, я и обращаюсь непосредственно в ОГПУ и, в частности, к Вам, т. Фельдман, как одному из вождей его. Выручайте меня из Астрахани. Я, честное слово, достаточно уже наказан. Моя жена с годовалым сыном зверски нуждается во мне в Москве. Да я просто работать не могу от беспокойства за нее и сына! Верните меня в Москву. Вместе с этим письмом я посылаю также письма Акулову и Агранову. Быть может, вы трое встретитесь друг с другом в Лубянских катакомбах и поговорите обо мне. Со своей стороны даю слово доказать, что я верный сын своей страны, всеми возможными для меня средствами докажу это: перестану пить, дурачиться и водиться с кем не следует. Клянусь в этом и умоляю поскорее вернуть меня в Москву. Вы же знаете меня до некоторой степени, и вы не настолько злы, чтобы продолжать мое наказание за проступок. Ответьте мне.

Астрахань, радиоцентр. Мне. Жму руку и надеюсь. Иван Приблудный».

Его оставили в Астрахани, но дали шанс исправиться - опять определили в осведомители.

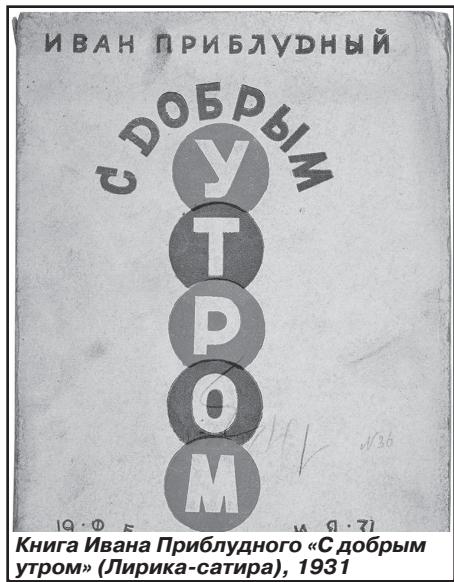
Испытательного срока Приблудный, судя по воспоминаниям его жены, не прошел.

В ссылке он провел на год больше первоначально назначенного срока, а вернувшись в Москву столкнулся с новыми трудностями:

«Прежнего места - желанного автора во всех журналах - он лишился. Надо было заново завоевывать свое место в литературе. Теперь его печатали довольно редко. Постоянный, хотя и небольшой, заработка он имел от детских передач по радио. Пытался подхалтуривать для рекламы, писал иногда что-то для актера Борисова и такого же эстрадного актера Кара-Дмитриева. Была детская веселость посещала его уже не

С. Есенин с молодыми писателями: И. Приблудный, Г. Шмерельсон, В. Эрлих, В. Риччиотти, С. Погоцкий

Книга Ивана Приблудного «С добрым утром» (Лирика-сатири), 1931

так часто.

Самым постоянным и устойчивым местом, где проводил Иван время с момента своего приезда из Астрахани и до дня ареста был дом Евгения Андреевича Пермяка.

Когда Иван познакомился с Павлом Васильевым - не могу сказать. Я с ним так и не познакомилась. Дружба с Васильевым относится уже к последнему периоду жизни Ивана, когда он уже начал терять власть над собой. Я раздражалась, слыша о его встречах с Васильевым, я считала, что он вовлекает Ивана в пьяные скандалы. То же в отношении Ивана, думала и жена Васильева.

Впоследствии от Бориса Вячеславовича Бабина, сидевшего с Иваном в одной камере в Бутырской тюрьме, и встретившегося потом со мной на Колыме, в Магадане, когда мы оба были еще заключенными, я узнала, что неблагоприятные показания на Ивана давали Юра Есенин и Павел Васильев.

Ни Юре, ни Павлу Васильеву в вину не ставлю. Я ведь не знаю, как вел себя и Иван.

Не судите скоропалительно. У Павла Васильева были основания полагать, что и он сам, и Приблудный, и Наседкин - зять Сергея Есенина, которого по настоянию чекистов Васильев тоже своими показаниями втянул в мясоприемник сталинской мясорубки, отдаются «легким испугом».

Ответ на вопрос, почему чекисты решили подвести Приблудного под расстрельную статью, содержитя в следу-

ющем фрагменте воспоминаний жены поэта:

«Мои родители уже третий год вывозили летом детей, в том числе, и моего маленького сына, в Крым, в Евпаторию. Дети жили там три месяца, а взрослые столько, сколько им приходилось отпуска на работу. В 1936 году мой отпуск приходился на август. На этот раз вместе со мной в Евпаторию поехал и Иван.

Этот месяц он прожил беззаботной растительной жизнью. Ел, спал, купался и загорал. А время было напряженное, тревожное. Шел или подготавлялся Зиновьевский процесс. Утром я бежала за газетами для моего отца (Иван мог прожить и без них), стояла длинные очереди у газетного киоска вместе с другими, угрюмо молчавшими людьми. Дома обсуждались тревожные известия. Иван очень беспокоился о Бухарине. Совершенно не разбираясь в сути партийных разногласий, он судил о Бухарине как о человеке, тепло к нему отнесшегося в нелегкие для него дни. «Письмо в Донбасс», напечатанное в «Известиях», рецидируемых тогда Бухарином, открыло для Ивана двери некоторых редакций, бывших до того для него закрытыми.

Жаркий августовский день, узкая улочка в татарской части города. Синее небо и белые каменные заборы, Иван обсуждает грозящие Бухарину опасности. В некотором расстоянии от нас слышатся шаги прохожего. Я трогаю Ивана за руку: - Потише.

Мемориальная доска на месте родного дома Ивана Приблудного в селе Безгиново

Он немедленно выходит на середину узкой улочки и громко возглашает:

- Николай Иванович Бухарин замечательный человек!

В Магадане моя приятельница работала вместе с человеком, который некоторое время был вместе с Иваном в НКВД на Лубянке. Он рассказал, что Ивана несколько раз вызывали на допрос и предъявляли обвинение в том, что свою подвалную комнату он получил благодаря содействию Бухарина. Это было не так. Никакого общения с Бухарином, за исключением напечатания «Письма в Донбасс», у Ивана не было ни до, ни после.

Спросила я, какие у Ивана были допросы; смотря в сторону, Борис Вячеславович ответил:

- Как у всех.

Сказал, что у Ивана начиналось кровожарканье. Что показания на него давали Юра Есенин и Павел Васильев. Рассказал, что в камере к нему относились хорошо, но на него неистово нападал Нарбут. Каждый раз, когда заключенным давали бумагу для заявлений, Иван писал на имя Ежова издевательские заявления в стихах.

В заключение рассказал, что от кого-то слышал - в бане была найдена надпись о том, что Иван приговорен к расстрелу. Бутырская баня была одна на всю тюрьму. И люди, уходившие на приговор, уговаривались с товарищами, в каком месте они сделают в бане надпись - сообщают о своей судьбе.

Памятник Ивану Приблудному в Новоайдаре

Поэт накарябал на стене:
«Меня приговорили к вышке. Иван Приблудный».

Иван Приблудный отрицал всё, имен не называл, обвинение, предъявленное ему (бланк) подписать отказался, не подписал протокол об окончании следствия, на закрытом суде виновным себя не признал, от последнего слова отказался, о снисхождении не просил. Его приговорили к расстрелу, и в тот же день расстреляли.

У расстрельной стены бок о бок к Приблудному стояли литераторы Николай Зарудин, Борис Губер и Александр Воронский.

Жену Приблудного, точнее, бывшую жену (их брак был расторгнут задолго до описываемых событий) арестовали 3 октября 1938 года.

«На следствии мне предъявили обвинение по статье 58-8-17-12. Это означало, что я обвиняюсь в соучастии через недобросовестство в террористической деятельности. Это было так смешно, что я даже не развелась. Мало того, я даже обрадовалась. «Слава богу, ничего не наболтал!», - подумала я о Иване. Единственное, чего я опасалась, это его дурного языка. – «А террор? Какая глупость!»».

Сергей Есенин и его почитатели у памятника Пушкину в Лицейском саду. Слева (в трусах) - Иван Приблудный, 1924